

Родина

(из цикла 90-е)

В наполненном тревожным ожиданием 1991 году в апреле месяце холодным утром, по подмерзшим хрустящим лужам поскользываясь и чертыхаясь часов около десяти утра пробирался я от центра в сторону института, где работал. В то время по всей России, а тогда еще Советскому Союзу, шли митинги. Митинговали все, кто против коммунистов, кто «за», кто против засилья масонов, кто за демократизацию и гласность. Были и те, кто митинговал, требуя повышения зарплаты, улучшения продовольственного снабжения. В общем, шумела Россия-матушка. Митинговое волнение не обошло стороной и мой маленький, но активный городок.

Место, мимо которого я должен был пройти, представляло не большую площадь, на которой располагался кинотеатр под звучным названием «Родина». Сейчас в нем, какие-то магазины, а когда-то в дни премьер, т.е. по понедельникам, здесь шумела толпа горожан, спрашивая лишнего билетика на премьеру нового фильма. В середине 90-х кинотеатр оказался в собственности некой бизнес-вумен, фамилию, которой все давно уже забыли, однако хорошо запомнили, что кинотеатр этот, точнее уже просто здание, она продала какому-то дельцу, который и развернул в нем торговлю. С тех пор про эту даму так и говорили: «Ну, та, что Родину продала».

Возле кинотеатра располагалось кафе – в виде стеклянного параллелепипеда, в народе называемое «стекляшка». В стекляшке этой можно было купить коржик или пельменей, а также запить все это томатным соком или чем покрепче – портвейном или сокороградусной. Кафе это любили люди разных профессий, которых время от времени посещала непреодоли-

мая жажда, как тогда говорили, «заправиться горячкой». Ближе к вечеру там можно было встретить и преподавателей местного института и их студентов, и пенсионеров и рабочих, забежавших «поправиться» после смены и просто «лиц без определенного рода занятий». Люд был разный, но все они на время объединялись в великое мужское братство, братство в котором все на время становились равными, как при коммунизме. Вспыхивающие время от времени перебранки и даже мордобитие, не меняли, сути единения, ведь «милые бранятся – только тешатся». После ссоры и победитель и побежденный, а также и присоединившиеся к ним зрители дружно пили мировую.

Еще примерно за квартал до указанного места я услышал, а потом увидел, что на площади что-то происходит. Из громкоговорителя раздавался женский голос. Подойдя поближе, я увидел, что не большая толпа стояла вблизи стекляшки. Впрочем, в этом не было что-либо удивительного, поскольку до открытия кафе оставалось минут десять и жаждущих «поправиться» прибывало. Удивительно было другое. Головы жаждущих были повернуты в сторону не большой деревянной трибуны, установленной метрах в тридцати от кинотеатра. Как говорят «картина маслом» – весь этот похмельный люд, дымя папиросками, поеживаясь от утренней прохлады, облизывая пересохшие губы и матерясь вполголоса, слушал какую-то женщину. Женщина лет за сорок в демисезонном пальто, вязаной белой шапочке и резиновых ботах, которую я сразу окрестил «демократкой», металась по трибуне с громкоговорителем.

– Господа! Сколько можно терпеть всевластие партократии, натерпелись за семьдесят лет. Мы российские демократы призываем вас поддержать нашего кандидата Бориса Ельцина и его соратников. Мы призываем вас поддержать нашу борьбу с партократией за демократические преобразования. Россияне

сделают свой выбор в пользу европейских общечеловеческих ценностей. Вперед в Европу, господа.

Демократка еще что-то говорила, но мне надо было идти на работу. Уходя я услышал, как маленький мужичок в кепке и с цыгаркой говорил кому-то

- Боря наш мужик, свой в доску. У меня есть его письма. Он их горбачу написал. Дам почитать.

Далее было неразборчиво.

У института была огромная лужа. Обходить ее было неохота, и я решился идти напрямиком. Двигаясь осторожно по льду, я воображал себя смелым исследователем. На середине лужи лед треснул, из-под него фонтанчиком забила струя грязной воды. Заторопившись, я поскользнулся и, о боже, во весь рост бухнулся прямо в образовавшееся серое озерцо, оказавшись с ног до головы, вместе с портфелем, где лежали записи к лекции, залитый грязью. На лекцию я опоздал - пришлось бежать домой за чистой одеждой. С тех пор не хожу по тонкому льду, обхожу лужи и митинги.

Пирогов В.Ю. ©

2012, май

Шадринск

<http://asm.shadrinsk.net>